

**УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ
в конце XX – начале XXI в.**

**Казань
2016**

УДК 37-051:93 "19/20"
ББК 74.04:63
У 92

*Печатается по рекомендации
Редакционно-издательского совета
Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанского федерального университета*

Редакционная коллегия:

А.Н. Валиахметов, В.А. Летяев, Д.Е. Мартынов, Г.П. Мягков
(*сост., отв. редактор.*), О.В. Сеницын (*сост., отв. редактор.*),
Р.Р. Фахрутдинов, Р.Р. Хайрутдинов

Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, О.В. Сеницын. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 384 с.

ISBN 978-5-00019-617-5

В книгу включены доклады участников Всероссийской научно-практической конференции, проведенной 25-26 марта 2016 г. отделением «Высшая школа исторических наук и всемирного культурного наследия» Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета и казанскими отделениями Российского исторического общества и Российского общества интеллектуальной истории.

Для научных работников, преподавателей, учителей, аспирантов и студентов.

Работа реализована за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения государственного задания в сфере научной деятельности.

УДК 37-051:93 "19/20"
ББК 74.04:63

ISBN 978-5-00019-617-5

© Издательство Казанского университета, 2016

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Развивая традиции исторических факультетов Казанского государственного университета и Казанского государственного педагогического института/университета отмечать юбилейные даты вузов проведением научных конференций¹, в Институте международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета по инициативе кафедры истории России и стран ближнего зарубежья 25-26 марта 2016 года прошла всероссийская научная конференция «Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI вв.», посвященная 140-летию со дня основания Казанского учительского института. Открытый 24 октября 1876 г., он стоял у истоков системы профессионального педагогического образования в Республике Татарстан и во всех национальных рес-

¹ См.: **Историческая наука в Татарстане:** исследовательские и педагогические традиции. Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 120-летию Казанского государственного педагогического университета / отв. ред. В.М. Бухараев, О.В. Сеницын. Казань: Форт Диалог, 1996; **Жить историей:** 60 лет историческому факультету Казанского университета. Сб. ст. Казань: Хэтер, 1999; **Преподавание истории в вузе:** исторический опыт и современность. Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 125-летию КГПУ (30 октября 2001 г.) / отв. ред. О.В. Сеницын. Казань, 2002; **Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство:** сб. научных статей и сообщений / составители и отв. ред. Г.П. Мягков и Е.А. Чиглинец. Казань: Казанский гос. ун-т, 2005; **Историческое образование в вузах Казани:** материалы межвузовской научной конференции, посвященной 130-летию со дня основания ТГППУ / составители и отв. ред. Г.П. Мягков и О.В. Сеницын. Казань: «Экспресс-плюс», 2006; **Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия:** материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию исторического факультета Казанского государственного педагогического института и 70-летию восстановления исторического факультета в Казанском государственном университете / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2009; **Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации:** материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета; Казань, 27-29 ноября 2014 г. / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014.

Раздел 1

ИСТОРИК В КООРДИНАТАХ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

УДК 94(092)

Мягков Г.П., Недашковская Н.И.

«Профессор славянских наречий» В.И. Григорович: Ученый vs Учитель (к проблеме реконструкции этических аспектов идентичности ученого)

В статье представлена проблематизация этических аспектов идентичности ученого в контексте изучения феномена научной школы и научной коммуникации на материале историографического нарратива о представителе первого поколения университетских славистов, основателе казанской научной школы славяноведения В.И. Григоровиче (1815–1876).

Ключевые слова: идентичность, славистика, научная школа, научная коммуникация, В.И. Григорович.

Проблемы изучения различных аспектов идентичности и процессов самоидентификации ученого особенно актуальны для истории наук, возникших как часть культурных и политических проектов национального строительства¹. История славистики, формировавшейся в русле европейских проектов славянского националстроительства, с самого начала рассматривалась преимущественно в политическом контексте. До лингвистического и антропологического поворотов в середине XX в. историографы выстраивали ее как цепочку открытий памятников культуры славян и частных закономерностей развития отдельных славянских культур, детерминированную направлениями общественной мысли XIX в.², после – в Европе сформировалась исследова-

¹ См.: Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 39. М., 2012. С. 9-19.

² См.: Ягич И.В. История славянской филологии // Энциклопедия славянской филологии. ИОРЯС. Вып. 1. СПб., 1910; Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

тельская традиция прочтения истории этой науки как разновидности идеологического нарратива¹.

Однако целостная история славяноведения, как история людей и идей, до сих пор не написана. За рамками имеющихся подходов остается множество вопросов о механизмах и личных мотивах интеллектуального проектирования, которые не имеют ответов в историографии. Так, до настоящего времени предметом научного рассмотрения не становились многие аспекты трансляции научного знания славистами, поставлена, но не исследована на широком круге источников проблема разрывов в функционировании научных школ², не проблематизированы общие вопросы взаимосвязи славистики и богословия, включающие, в том числе, и проблему религиозной идентичности славистов и выяснение роли их религиозных убеждений в судьбе славяноведения.

Закономерно поэтому, что история славяноведения – один из наиболее туманных сюжетов историографии. Он начинается в 1840–1850-е годы в процессе формирования и развития университетских центров славяноведения. Представители первого поколения университетских славяноведов, О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский, В.И. Григорович, с самого начала преподавательской деятельности включают в программы своих курсов концептуальные обзоры достижений европейского и отечественного славяноведения. В 1850–1870-е гг. собирание и публикация исследований и материалов по истории славяноведения становится устойчивой традицией (И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, Н.П. Барсуков, П.П. Пекарский, Н.А. Попов, М.И. Сухомлинов), появляются обобщающие труды (В.И. Ламанский, А.А. Котляревский). А к 1880-м годам уже принято начинать ученую деятельность с написания диссертаций о творчестве крупнейших славистов конца XVIII – первой половины XIX вв.

Обширный и многослойный нарратив истории славяноведения буквально наполнен противоречивыми оценками своих персонажей, что нередко взрывает образ ученого изнутри.

Историографы, будучи в большинстве случаев сами славяноведами, требуют от своих героев, «претендующих» на звание

¹ См.: Macura V. Znamení zrodu: české národní obrození jako kulturní typ. Praga: Československý spisovatel, 1983; Гланц Т. Славянская борьба в Центральной Европе // Неприкосновенный запас. 2007. №6. С. 40-51.

² Репина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2014. Вып. 3. С. 137-142.

положительных, не только наличия обширных знаний (славянские языки, этнография, словесность, история), достойных научных трудов (крупных, написанных на большом количестве источников исследований), большого количества учеников и европейской научной известности. Для завершения положительного образа необходим некий научный и моральный подвиг во имя своей науки, соответствие ее высокой миссии и преданная любовь к предмету изучения – «славянству», «славянскому миру», «славянщине». Однако даже при наличии всех указанных характеристик персонаж истории славяноведения иногда так и не становится положительным и тогда его образ остается загадкой для последующих интерпретаторов.

Такова историографическая судьба В.И. Григоровича (1815–1873). Его научная биография содержит все необходимые элементы для создания положительного образа славяноведа. Будучи учеником и последователем академика А.Х. Востокова, Григорович стал основоположником одной из первых в России – казанской школы славяноведения. Исследованиями Григоровича по славянскому языкознанию [«Исследования о церковнославянском наречии» (1840), «Статьи, касающиеся древнего славянского языка (1852)»] было раскрыто значение церковнославянского языка для изучения других славянских языков, а также ключевые вопросы происхождения глаголицы и славянского письма вообще. Первая в славяноведении сравнительная история славянских литератур «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах» (1842) предстает единственным фактом последовательного применения сравнительного метода в лингвистическом обобщающем труде. Григорович также стоял у истоков исторического славяноведения в Казанском университете. В Казанской духовной академии ученый основал одну из первых в России текстологических школ, результатом деятельности которой стало вышедшее через несколько десятилетий многотомное Описание рукописей Соловецкой библиотеки, под общей редакцией его ученика, профессора И.Я. Порфирьева¹.

Путешествие в славянские земли В.И. Григоровича оценено в науке как научный подвиг: ученому во многом с риском для жизни удалось проникнуть в «чужой» до того времени и во многом враждебный европейцам «славянский мир», находившийся

¹ См.: Макарова (Недашковская) Н.И., Мягков Г.П. Соловецкая библиотека как фактор развития славяноведения в Казани // Исследования по Русской истории и культуре. М., 2006.

под турецким владычеством. В результате этого путешествия исследователем были собраны обширные сведения о современном состоянии ряда славянских языков и диалектов, серьезно уточнены географические карты «славянских земель», бывшие до этого весьма приблизительными, а также открыты уникальные памятники древней славянской письменности. Не случайно, по свидетельству современников, А.Х. Востоков «уже в виду кандидатской работы... провидел в авторе, еще студенте Григоровиче, достойного кандидата на кафедру..., а у порога смерти желал, чтобы кресло его в Академии было замещено Григоровичем»¹. Путешествие принесло Григоровичу и большую европейскую славу – звание «русского Шафарика»². Известно также, что на приобретение ценных для своей науки памятников, а также материальную поддержку нуждающихся представителей зарубежного славянства ученый потратил все имевшиеся средства, закончив жизнь практически в нищете.

Все названные вехи жизни и деятельности, а также особенности личности ученого присутствуют в большинстве историографических нарративов о нем, а ссылки в научных трудах (вплоть до самых современных) подтверждают значимость его открытий. Вообще, биографический нарратив об исследователе включает в себя истории, зафиксированные в мемуарах ученых – коллег и учеников, некрологи (эта группа источников традиционно считается наиболее субъективной и подчиненной законам жанра), биографические очерки и, наконец, научные биографии, которые могут существовать самостоятельно, либо как часть «истории» определенного периода развития науки³. Мемуары учеников и коллег Григоровича создают тот самый положительный именно для славяноведения образ.

О научных взглядах, своеобразии педагогической деятельности, научных контактах, стиле общения В.И. Григоровича писали и те, кто учился у него, сотрудничал, принял эстафету развития российского славяноведения и в казанский (В.П. Молоствов,

¹ Кочубинский А.А. Виктор Иванович Григорович (1815–1876) в истории славяноведения. Одесса, 1894. С. 51.

² См.: Дьомін О.Б., Алексєєнко М.В. Шукач слов'янських скарбів В.І. Григорович: монографія. Одеса, 2015; В.И. Григорович и развитие славяноведения в России: Материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого. Казань, 10 апреля 2015 г. Казань, 2015.

³ См.: Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек Память Текст: Цикл лекций. Казань, 2001; Слава и забвение: парадоксы биографики / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2014.

И. Красноперов, К.В. Лаврский, В.В. Лаврский, А.И. Соколов, А.И. Овсянников, П.А. Ровинский, А.С. Гацисский, П.В. Знаменский, А.П. Шапов, В.И. Модестов, Д.А. Корсаков, М.П. Петровский, И.Я. Порфирьев, А.И. Александров и многие другие), и в одесский (Г.Е. Афанасьев, И.В. Линниченко, А.И. Маркевич, А.А. Кочубинский, М.Г. Попруженко, В.И. Кирпичников, Ф.И. Успенский и др.) периоды. В их воспоминаниях обычно оказываются неразделимыми характеристики Григоровича-ученого и Григоровича-профессора. Перед нами предстает образ подвижника науки, человека монашеского склада, способного, однако, щедро делиться с окружающими своими духовными дарами¹.

В биографических очерках и других больших историографических нарративах – иная картина. Крупнейшие славяноведы XIX в., принадлежащие к разным поколениям, начиная с современника В.И. Григоровича – академика И.И. Срезневского, создают образ ученого, который обладал обширными фактическими знаниями, большим потенциалом, но так и не состоялся в науке, не сказал своего особого, значительного слова. Переходя из поколения в поколение, негатив усиливался и концентрировался. В «Истории славянской филологии» И.В. Ягича глава, посвященная деятельности Григоровича в Казани и Одессе, получает название, ставшее впоследствии фразеологизмом: «В.И. Григорович: преподавательская деятельность; труды его не оправдали ожиданий...»². Именно этому фундаментальному

¹ Типична и показательна характеристика В.И. Григоровича, данная проф. В.И. Модестовым: «С ним было даже страшно говорить о науке, несмотря на всю его младенческую кротость и самую утонченную вежливость... Всецело преданный науке, только одной науке, он в каждый данный момент, по какому угодно предмету, преподающемуся в историко-филологическом факультете, буквально засыпал своего собеседника данными, даже относившимися к специальной области последнего... Действие его на слушателей, даже в самую последнюю пору, было самое сильное: все его ближайшие слушатели, то есть люди, избравшие славянские наречия своей специальностью, любили его до страсти, до обожания. Он не только увлекал их восторженно преданностью к науке, но и учил их с таким мастерством, так скоро ставил их на ноги в своей области, что едва ли какой-либо другой русский профессор мог указать на такую живительную и непосредственную плодотворность своей преподавательской деятельности» (Модестов В.И. Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1884. Т. 18. № 11. С. 302).

² Ягич И.В. История славянской филологии // Энциклопедия славянской филологии. ИОРЯС. Вып. 1. СПб., 1910. С. 481. Свет на источники этой, данной И.В. Ягичем, по сути, резко отрицательной оценки В.И. Григоровича проливает переписка последнего с Н.А. Поповым. В основе лежал конфликт по вопросу о преемнике В.И. Григоровича по кафедре славянских литератур (см.: Воробьева И.Г. В.И. Григорович и Н.А. Попов: два университетских профессора (по дан-

историографическому труду мы обязаны введением в историографию славистики нарратива об отсутствии в Казани (у Григоровича и вообще) славяноведческой школы, транслируемого историографами до настоящего времени¹, хотя признаки схоластики, которые дает современное науковедение здесь налицо. «Русский Шафарик» оказался фактически исключен из числа «героев» славяноведения. Результат этого, согласимся с современным историографом, в том числе и тот, что «до сих пор не написана интеллектуальная биография Григоровича, которая могла бы как-то объяснить, например, некоторую его эксцентричность, склонность к отшельничеству (философскому, «нищенскому» или житейскому?), осторожность в высказываниях (естественное сомнение интеллектуала или осмотрительность и скромность?) и другие особенности его личности»².

Только при ознакомлении со всеми имеющимися источниками научной биографии В.И. Григоровича становится ясно, что герой историографического нарратива полностью заслонил со-

ным их переписки) // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России... С. 51). Сам ученый надеялся, что им станет А.А. Кочубинский, однако совет университета пригласил И.В. Ягича, по характеристике Л.П. Лаптевой, «австрийского ученого хорватского происхождения, которого «вывел в люди» И.И. Срезневский и пригрела Российская академия» (Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 662). Об истории избрания И.В. Ягича ординарным профессором Новороссийского университета см.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. С. 788; о взаимоотношениях профессоров и борьбе «двух противоборствующих лагерей, во главе которых стояли В.И. Григорович и И.В. Ягич» в ученой среде историко-филологического факультета Новороссийского университета см.: Калякина К.А. Слависты Н.А. Попов и А.А. Кочубинский (по материалам переписки) // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России... С. 189-191.

Добавим. Характеризуя опыт презентации Т.Д. Флоринским «выдающихся научных трудов», появившихся в славянской науке, Л.П. Лаптева позитивно оценивает его критику необъективности, тенденциозности И.В. Ягича в отношении к русским славистам (см.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. С. 661-662). Полагаем, что для оценки отношения Ягича к Григоровичу и его наследию методологически важно заключение историографа: «...теперь, по прошествии ста лет со времени выхода в свет труда австрийского ученого... стало очевидно, насколько ошибался И.В. Ягич в своей оценке и по западной «привычке» свою некомпетентность выдал за критичность и объективность» (там же. С. 662). Но дело было сделано: оценка Ягича стала доминантой в оценке творчества Григоровича [ср.: «Тем не менее Григорович не дал всего того, что мог дать и чего от него ждали» (Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1929. С. 42)].

¹ Ср.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. С. 230.

² Кутявин В.В. Виктор Иванович Григорович и время «первоначального накопления» материала в российском славяноведении // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России... С. 13.

бой ученого и профессора В.И. Григоровича. Это одно из так называемых «темных мест» истории славяноведения, вряд ли поддающееся объяснению просто предвзятым отношением когослибо из авторов и т.п. Представляется, что деконструировать его можно, только отойдя от традиционной схемы воссоздания хронологии достижений славистики и оценок исторической целостности ее культурных проектов. Вероятно, причины «снижения» образа ученого могут быть объяснены логикой развития этой, напомним, искусственно сконструированной науки¹. Вслед за Востоковым, создавшим метод только для славянского языкознания, уже в первых своих трудах Григорович сформулировал основные методологические принципы всего славяноведения как комплексной науки, изучающей типологически родственные славянские культуры.

Однако, как показывает история, славяноведение по этому пути не пошло, избрав стратегию накопления фактов и последующей все большей специализации. Это развело в методологическом плане последующие поколения славяноведов с самым первоначальным замыслом – славяноведческий комплекс сохранялся лишь на уровне декларации, придающей славистике особый идеологический интерес и позволяющей оставаться внутри процесса националстроительства. Поэтому методологические идеи Григоровича – последователя Востокова – (как и их практическая реализация в научных трудах) оказались не просто невосстановленными, но породили мощный историографический негатив как способ оправдания себя.

Будем надеяться, что дальнейшие исследования приведут к исполнению мысли одного из многочисленных учеников выдающегося слависта, А.И. Овсянникова, писавшего: «Рано или поздно личность Григоровича и как ученого, и как человека, воспрянет из забвения и займет блестящее место в плеяде русских ученых»².

¹ Так, В.П. Бузескул в числе причин того, почему В.И. Григорович не оправдал ожидания и не создал «большого, крупного труда», вслед за И.В. Ягичем указал на то, что он «разменялся на мелочи», придав им в то же время особое значение для характеристики творчества ученого: «...в этих “мелочах” искрился талант, обнаруживается самостоятельность, оригинальная мысль, обширные знания» (Бузескул В.П. Указ. соч. С. 40). Итожа свой обзор творчества Григоровича, В.П. Бузескул посчитал возможным привести мнение Д.Н. Овсяннико-Куликовского: «Что-то помешало ему развернуться, что-то затормозило рост его умственной силы, что-то подкосило его энергию, а что именно, неизвестно... Григорович унес в могилу тайну его души» (цит. по: там же).

² Овсянников А.И. Из воспоминаний старого педагога. [Начало 60-х годов] // Русская старина. 1899. Т. 99, кн. 6. С. 685.

Библиография

Macura V. Znamení zrodu: české národní obrození jako kulturní typ. Praha: Československý spisovatel, 1983.

В.И. Григорович и развитие славяноведения в России: Материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого. Казань, 10 апреля 2015 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 256 с.

Воробьева И.Г. В.И. Григорович и Н.А. Попов: два университетских профессора (по данным их переписки) // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России: Материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого. Казань, 10 апреля 2015 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 47-54.

Гланц Т. Славянская борьба в Центральной Европе // Неприкосновенный запас. 2007. № 6. С. 40-51.

Дьомін О.Б., Алексєєнко М.В. Шукач слов'янських скарбів В.І. Григорович: монографія / авт. передмови І.М. Коваль; наук. ред. В.О. Колесник. Одеса: ОНУ, 2015. 482 с.

Калякина К.А. Слависты Н.А. Попов и А.А. Кочубинский (по материалам переписки) // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России: Материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого. Казань, 10 апреля 2015 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 185-193.

Кочубинский А.А. Виктор Иванович Григорович (1815–1876) в истории славяноведения. Одесса, 1894.

Кулявин В.В. Виктор Иванович Григорович и время «первоначального накопления» материала в российском славяноведении // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России: Материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого. Казань, 10 апреля 2015 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 12-18.

Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: «Индрик», 2005. 848 с.

Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: «Индрик», 2012. 840 с.

Макарова (Недашковская) Н.И., Мягков Г.П. Соловецкая библиотека как фактор развития славяноведения в Казани // Исследования по Русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. М.: Издательский дом «Парад», 2006. С. 430-440.

Модестов В.И. Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1884. Т. 18, № 11. С. 282-300.

Овсянников А.И. Из воспоминаний старого педагога. [Начало 60-х годов] // Русская старина. 1899. Т. 99, кн. 6. С. 671-693.

Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 39. Специальный выпуск. Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы опознания и описания. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 9-19.

Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек – Память – Текст: Цикл лекций. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 344-360.

Репина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2014. Вып. 3. С. 137-142.

Слава и забвение: парадоксы биографики / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2014.
Ягич И.В. История славянской филологии // Энциклопедия славянской филологии. ИОРЯС. Вып. 1. СПб., 1910.

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия; gmyagkov@yandex.ru

Недашковская Надежда Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; n.nedashkovskaya@yandex.ru

Professor of the Slavic Dialects V.I. Grigorovich: Scientist vs Teacher (to the Problem of Reconstruction of the Ethic Aspects of Identity of the Scientist)

The article deals with the problem of ethics aspects of identity of the scientist in the context of study of the phenomenon of scientific school and scientific communication, that is presented on the material of historiographic narrative about the representative of first generation of university slavists, founder of the Kazan's scientific school of Slavic philology of V.I. Grigorovich (1815–1876).

Key words: identity, Slavic studies, scientific school, scientific communication, V.I. Grigorovich.

Myagkov German Panteleimonovich, doctor of historical sciences, professor of the Department of World History, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; gmyagkov@yandex.ru

Nedashkovskaya Nadezhda Igorevna, candidate of philology, docent, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia n.nedashkovskaya@yandex.ru

УДК 94(092)

Григорьева Е.А., Егоров Г.В.

Наставники в нижегородской исторической науке

В статье представлена схема эволюции нижегородского исторического знания. Основателем этой традиции является П.И. Мельников (Андрей Печерский). Основателями высшего исторического образования в Нижнем Новгороде стали С.И. Архангельский и Н.П. Соколов. Большое опосредованное влияние на формирование нижегородского исторического знания оказали С.В. Ешевский, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.И. Кареев и С.Ф. Платонов.

Ключевые слова. Нижний Новгород, наставник, историческая наука, П.И. Мельников, С.В. Ешевский, К.Н. Бестужев-Рюмин, А.С. Гациский, Н.И. Кареев, С.Ф. Платонов, С.И. Архангельский, Н.П. Соколов, историография.

Нижегородскую традицию Учительства в истории можно бы начинать с Лаврентьевской летописи. Этот памятник оказал огромное влияние на российских историков с XIX в. до сего дня. Однако звенья цепи непосредственной коммуникации Учитель–Ученик в нижегородском измерении начинаются с П.И. Мельникова (Андрея Печерского). В 1920-е гг. С.И. Архангельский обозначил основные вехи этой традиции П.И. Мельников – А.П. Шапов (как преподаватель Казанского университета, учивший А.С. Гациского) – А.С. Гациский, основатель Нижегородской учёной архивной комиссии (НГУАК) – В.Г. Короленко, приумноживший достижения НГУАК¹. В статье, обосновывавшей необходимость принципиально нового подхода к изучению того или иного локуса, С.И. Архангельский привязывал имена вехи нижегородского краеведения к особенностям социально-политического развития Российской империи в XIX в.

Тем не менее С.И. Архангельский наметил контуры другой – более историографической – схемы развития традиции Учителя истории. Схемы, в которой сам Архангельский занимает важное место. Схемы, в которой коммуникация «Учитель–Ученик» напоминает не цепь, а расходящиеся, ветвящиеся побеги, которые потом сплетаются и сходятся. «Желая привить интерес к истории края своим нижегородцам, весной 1847 года Мельников устраивает публичные чтения о России и Нижнем-Новгороде

¹ Архангельский С.И. Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников-Печерский – Гациский – Короленко) // Краеведение. 1925. Т. 2. № 1–2. С. 71–80.